

УДК 947.02

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ *КРИВИЧЕЙ*

М.И. Жих

Аннотация

Предпринятый анализ показывает, что письменные источники (русские летописи и Константин Багрянородный) чётко относят кривичей к славянам. Их этноним, безусловно, является славянским, а ещё одно славянское «племя» кривичей проживало на Пелопоннесском полуострове. Материалы археологии, лингвистики и популяционной генетики также свидетельствуют о славянском происхождении кривичей. Серьёзной аргументации в пользу «балтской» гипотезы их происхождения не имеется.

В последнее время, как в российской, так и в белорусской историографии [1] и публицистике [2] стала набирать популярность идея о неславянской, а точнее, балтской этнической атрибуции упоминаемого в древнерусских летописях этнополитического союза *кривичей*. В этой связи имеет смысл вернуться к вопросу об этнической принадлежности летописных *кривичей* и попытаться верифицировать аргументацию сторонников «балтской» гипотезы.

Первым аргументом в её пользу с подачи Д.А. Мачинского [3] обычно называется то обстоятельство, что летописцами *кривичи* ни разу не отнесены прямо к *словенам*. Из этого учёный и его последователи заключают, что под именем *кривичей* в летописях выступает какая-то протославянская или балто-славянская группировка, оставшаяся на территории «лесной прародины» и ассимилированная «настоящими» славянами, кристаллизовавшимися при продвижении на юг, в Подунавье, а затем расселявшимися оттуда, согласно Повести временных лет (ПВЛ). Не всё, однако, так просто. Да, прямо «славянами» *кривичи* в летописях не названы, но точно также не названы ими там, к примеру, *вятичи* и *радимичи*. Значит ли это, что их тоже можно не считать славянами? Сам Д.А. Мачинский по этому поводу констатирует, что согласно ПВЛ *радимичи* и *вятичи* происходят «от ляхов» [4], а *ляхи* «по ПВЛ тоже потомки дунайских славян» [5], соответственно, в представлении летописца эти два «племени» также являлись славянскими. Теперь посмотрим, что ПВЛ говорит о происхождении *кривичей* и как их место на этнической карте Восточной Европы видят летописцы.

ПВЛ, рассказывая о расселении славян с Дуная, говорит, что (цитирую ПВЛ по Ипатьевской летописи) «от техъ словенъ разидошася по земли и прозвашася имены своими, где седше на которомъ месте. Яко пришедше седоша на реце именовъ Мораве и прозвашася моравы, а друзии чесе нарекошася, а се ти же словене: хорвати белии, серпъ, и хугане. Волохомъ бо нашедшимъ на словены на дунаискые и седшимъ в нихъ и насиляющимъ имъ. Словене же ови пришедше и седоша на Висле и прозвашася ляхове, а отъ техъ ляховъ прозвашася поляне ляхове. Друзии лютице, инии мазовшане, а нии поморяне. Тако же и те же словене пришедше, седоша по Днепру и нарекошася поляне, а друзии деревляне, зане седоша в лесехъ, а друзии седоша межи Припетью и Двиною и нарекошася дреговичи, и инии седоша на Двине и нарекошася полочане, речькы ради, еже втечетъ въ Двину именовъ Полота, от сея прозвашася полочане (здесь и далее курсив мой. – М.Ж.). Словене же седоша около озера Илмера и прозвашася своимъ именовъ и сделаша городъ и нарекоша и Новъгородъ, а друзии же седоша на Десне и по Семи и по Суле и нарекошася северо. И тако разидеся словенескъ

языкъ» [6]. В этом летописном рассказе *полочане* и *северяне* однозначно причислены автором к славянам и упомянуты в числе разных расселявшихся с Дуная славянских «племён».

Далее же в ПВЛ говорится, что «по сеи братьи (после смерти Кия, Щека и Хорива. – М.Ж.) почаша держати родъ ихъ княжение в поляхъ, а въ деревляхъ свое, а дрьговичи свое, а словене свое въ Новегороде, а *другое на Полоте, иже и полочане, от сихъ же и кривичи, иже седять на верхъ Волгы и на верхъ Двины, и на верхъ Днепра, ихъ же и городъ есть Смоленскъ, туда бо седять кривичи, также северо от них* (курсив мой. – М.Ж.)» [7]. Как видим, согласно летописцу, *кривичи* происходят от *полочан*, а *северяне* происходят от *кривичей*. Данное обстоятельство не оставляет никаких сомнений в том, что в представлении летописца *кривичи* – это, безусловно, одно из славянских «племён», часть обширной славянской ойкумены. К сожалению, Д.А. Мачинский, хотя и отмечал, что *полочане* летописцем причислены к «собственно славянам» [8], проигнорировал принципиально важное летописное свидетельство, согласно которому ***кривичи происходят от полочан***. В летописном повествовании о расселении славян предлог «от» имеет однозначное значение происхождения: «от техъ словенъ разидошася по земли и прозвашася имены своими, где седше на которомъ месте»; «словене же ови пришедше и седоша на Висле и прозвашася ляхове, а отъ техъ ляховъ прозвашася поляне ляхове»; «радимичи бо и вятичи отъ ляховъ. Бяста бо два брата в ляхехъ: Радимъ, а другиы Вяткоъ. И пришедша, седоста Радимъ на Съжю и прозвашася радимичи, а Вятко седе своимъ родомъ по Оце, отъ него прозвашася вятичи».

Что касается происхождения *северян* от *кривичей*, то оно, судя по совокупности всех данных, которыми располагает наука, не является достоверным [9], однако это никоим образом не умаляет его значения для понимания этнокультурной карты летописца, в рамках которой *северяне*, чётко отнесённые им к славянам, происходят от *кривичей*, которые в этом случае также являются в его представлении славянами. Тождество же *полочан* и *кривичей* подтверждается и другими летописными известиями:

- в процитированном фрагменте ПВЛ сказано, что *кривичи* живут в верховьях Западной Двины, то есть там, где находится Полоцк;

- в легенде о призвании варягов сказано, что «перви наследници... въ Полотъске кривичи» [10];

- В Ипатьевской (под 1140 и 1162 гг.) и Воскресенской (под 1129 и 1162 гг.) летописях полоцкие князья названы кривичскими, на что справедливо обращал внимание В.В. Седов [11]. По всей видимости, *полочане* представляли собой одну из локальных кривичских группировок.

Из сказанного очевидно, что для древнерусских летописцев *кривичи* представляли собой часть славянского мира. Это же подтверждается и «от противного» – в ПВЛ содержится перечень неславянских народов, платящих Руси дань: «се суть инии языце, иже дань даютъ Руси: чюдь, весь, меря, мурома, черемись, мордва, пермь, печера, емь, литва, зимегола, корсь, нерома, либь. Си суть свои языкъ имуще от колена Афетова». Здесь последовательно перечислены сначала 9 финно-угорских «племён», а затем 4 балтских, которые чётко сгруппированы летописцем, что говорит о том, что его представления об этногеографии Восточной Европы имели отнюдь не произвольный характер (после балтских «племён» в конце списка названа финская либь, несколько выпадающая из общей системы, что, очевидно, связано с тем, что жила она в балтском окружении). Среди последних *кривичи* не названы.

О славянской принадлежности *кривичей* ясно говорит и сам их этноним, имеющий чисто славянскую природу и стоящий в ряду других славянских этнонимов с суффиксом *-ичи*: *вятичи*, *радимичи*, *дреговичи*, *лютичи* и т.д. Балтская этнонимия не знает патронимических этнонимов и подобного суффикса [12]. Типологически этноним «кривичи», имеющий очевидный патронимический характер (потомки Крива), аналогичен таким славянским

«племенным» названиям как «радимичи» (потомки Радима) и «вятичи» (потомки Вятко), которые соответствующим образом осмыслены уже в ПВЛ.

На Пелопонесском полуострове зафиксирован топоним *Kryvitsani*, который со всей очевидностью связан со славянским этнонимом *кривичи* (не случайно Константин Багрянородный практически тождественной пелопонесскому *Kryvitsani* формой именуется восточноевропейских кривичей) [13]. Соответствующая пелопонесская параллель не оставляет никаких сомнений в славянской принадлежности рассматриваемого этнонима. По всей видимости, в ходе бурных событий эпохи великого славянского расселения одна часть праславянского «племени» *кривичей* оказалась в Восточной Европе, а другая – далеко на юге Греции. В этой связи немаловажно, что латыши и поныне называют русских *krievi*, а Россию – *Krievija* – именами, производными от названия «кривичи» [14].

Теперь рассмотрим археологические данные о *кривичах* и их этнической принадлежности. Ныне большинство археологов согласно с тем, что *кривичи* археологически представлены культурой длинных курганов, чего не отрицают и сторонники балтской их атрибуции, «отдавая» *кривичам*, как минимум, культуру смоленско-полоцких длинных курганов [15].

Кривичская культура (или культуры, если разделять псковские и смоленско-полоцкие длинные курганы) длинных курганов занимает одно из ключевых мест в работах В.В. Седова. Все её материалы, бывшие в распоряжении науки на начало 1970-х гг., были им монографически опубликованы [16]. Эта сводка сохраняет своё значение по сей день, так как, несмотря на то, что впоследствии был раскопан ряд новых памятников, качественных сдвигов в наших знаниях об этой культуре не произошло и новая более полная сводка её материалов пока никем не составлена.

В период своего расцвета в VIII–IX вв. культура длинных курганов занимала огромную территорию: Псковщину, часть Новгородчины, Верхнее Поднепровье и Подвинье с сопредельными регионами. Имя своё культура получила по характерному типу погребальных памятников – удлинённым курганам от 10 до 100 и более метров длиной, в которых содержится иногда весьма значительное число захоронений (от одного-двух до двадцати с лишним) по обряду трупосожжения, которые в большинстве своём являются безурновыми и безынварными, или содержат весьма незначительный инвентарь (бронзовые бляшки, пряжки, ножи, кресала, глиняные пряслица, стеклянные бусы и т.д.). Жили носители культуры длинных курганов преимущественно на открытых селищах, хотя постепенно появляются и городища (например, Изборск), дома строили преимущественно наземные, посуду делали вручную, без гончарного круга. В развитии культуры длинных курганов наблюдается два этапа: на первом (V–VII вв.) она охватывала преимущественно современную Псковщину и значительную часть Новгородчины (псковские длинные курганы), а с конца VII в. начала распространяться на юг, охватив будущие Полоцкую и Смоленскую земли (смоленско-полоцкие длинные курганы), что, очевидно, отражало процесс расселения её носителей. При этом культура длинных курганов в Смоленско-Полоцких землях имеет ряд отличий от Псковщины, в частности, там нет очень длинных курганов, превышающих 30 метров. В IX–X вв. длинные курганы постепенно сменяются полусферическими, культура длинных курганов исчезает и занятый ею регион становится частью древнерусской культуры.

В.В. Седов убедительно обосновал принадлежность культуры длинных курганов известному по летописям восточнославянскому этнополитическому союзу *кривичей*, приведя в её пользу следующие аргументы:

- сопоставление длинных курганов с пришедшими им на смену полусферическими, славянская принадлежность которых уже вне всяких сомнений, показывает, что они совершенно идентичны в устройстве и в особенностях погребального ритуала;
- длинные курганы и полусферические обычно находятся в одних группах, образуя единые могильники, что говорит о преемственности оставившего их населения. На каком-то

этапе длинные курганы сосуществуют с полусферическими, что наглядно показывает постепенную смену погребального обряда;

- керамические материалы IX–X вв. генетически связаны с керамикой культуры длинных курганов;

- никакого притока нового населения в конце I – начале II тыс. н.э. в регион Верхнего Поднепровья и Подвинья, равно как и в бассейн Чудского озера, не фиксируется. Некоторые предметы материальной культуры выходят в этот период из обращения, но, во-первых, происходит это постепенно, а во-вторых, далеко не только на территории культуры длинных курганов, поэтому говорить о каком-либо сломе культурной традиции невозможно;

- ранние памятники культуры длинных курганов на Псковщине, занятой до этого финно-угорской культурой текстильной керамики, не обнаруживают с ней никакой преемственности, свидетельствуя о приходе в регион крупных масс нового населения с новым хозяйственным укладом, которое и явилось создателем новой культуры;

- ареал культуры длинных курганов полностью совпадает с тем ареалом, который летописи отводят *кривичам*: в ПВЛ в легенде о призвании варягов среди призывающих названы *кривичи* и один из братьев Рюрика Трувор садится на княжение в Изборске [17], а в Устюжском (Архангелогородском) летописном своде Изборск прямо назван городом *кривичей* [18];

- лингвистические материалы показывают родственность смоленско-полоцких и псковских говоров [19]. Единственный период, когда эти два региона были охвачены единой культурой – это время культуры длинных курганов;

- лингвистически древнейшие контакты славян с предками эстонцев относятся ко времени до образования древнерусского языка и датируются временем, начиная с VI в. (Э.Н. Сетяля), что полностью соответствует археологически фиксируемым контактам носителей культуры длинных курганов с предками эстонцев;

- культура длинных курганов не имеет местных корней и генетически никак не связана с предшествующими балтскими и финно-угорскими культурами. Отдельные финские или балтские черты в культуре не являются для неё основными и носят региональный характер. Они отражают ассимиляцию славянами автохтонного населения.

Все эти аргументы [20] никем не опровергнуты, но, несмотря на это, периодически выдвигаются гипотезы о неславянской этнической атрибуции культуры длинных курганов и её балтской либо даже финно-угорской принадлежности (С.К. Лаул, Г.С. Лебедев, А.Н. Башенькин, В.Я. Конечский, Е.А. Шмидт и др.) [21]. Однако все эти предположения не имеют серьёзной комплексной аргументации. Они, в отличие от концепции В.В. Седова, основаны не на всём комплексе археологических, исторических и лингвистических данных, а только на каких-то отдельных частях его, которые абсолютизируются, а все остальные моменты при этом игнорируются. Добавим несколько исторических аргументов в пользу правоты В.В. Седова и *кривичской* принадлежности культуры длинных курганов:

- если предположить финское происхождение культуры длинных курганов, то это означает, что накануне формирования Древнерусского государства имела место мощная экспансия финского населения в Верхнее Поднепровье и Подвинье. Никаких исторических, лингвистических или топонимических подтверждений этому нет;

- если предположить балтское происхождение культуры длинных курганов, то непонятно, почему возникла она вне балтского культурного и гидронимического ареала на Псковщине и Новгородчине. Балтская экспансия в этот регион неизбежно оставила бы сильные следы в гидронимии, но их практически нет;

- если предположить любое неславянское происхождение культуры длинных курганов, то неясным станет вопрос, с какими археологическими реалиями связывать называемый в летописях восточнославянский этнополитический союз *кривичей* (летописная локализация которого идеально совпадает с ареалом распространения рассматриваемой культуры), так

как на смену культуре длинных курганов приходит уже вполне стандартная древнерусская культура, отражавшая процесс нивелировки славянского и иного населения Восточной Европы, его интеграции в рамках древнерусской народности.

Предположение о разном происхождении и разной этнической сущности культур псковских и смоленско-полоцких длинных курганов не имеет достаточного обоснования, так как в этом случае непонятен механизм распространения единого специфического погребального обряда на соответствующей территории. Тезис Е.Р. Михайловой, согласно которому «сложный комплекс погребальной обрядности культуры псковских длинных курганов, распространившийся по огромной территории, следует трактовать скорее как явление духовной жизни и религиозных практик древнего населения, чем как отражение неких социальных или этнических структур» [22] ничего не проясняет, а только запутывает проблему. Каким образом единый «сложный комплекс погребальной обрядности» мог распространиться среди разноэтничного населения на огромных территориях в условиях отсутствия государственных институтов и социально-политического единства, если не было тех, кто его распространял в ходе своей миграции?

По мнению этой исследовательницы, постепенная смена культуры длинных курганов древнерусской культурой означала смену населения соответствующих регионов [23], с чем невозможно согласиться, так как процесс нивелировки культур отдельных славянских этнополитий охватил в то время всю Восточную Европу, что, однако, не говорит о том, что там произошла смена населения. Просто в условиях становления древнерусской народности и формирования Древнерусского государства стирались локальные различия между культурами вошедших в его состав «племён», вырабатывалась единая древнерусская культура. Процесс этот шёл постепенно: в каких-то районах местные культурные особенности исчезли раньше, в каких-то – позже. Но нет никаких оснований трактовать процесс постепенного угасания «местных» восточнославянских культур как смену этнического лица соответствующих регионов.

К этому можно добавить то, что именно ареал **всей** культуры длинных курганов (как псковских так и смоленско-полоцких) соответствует территории *кривичей*, как очерчивают её летописи и данные языкознания.

Таким образом, тезис В.В. Седова о кривичской принадлежности культуры длинных курганов является наиболее фундированным и учитывающим всю совокупность фактов, а не какие-то отдельные из них, как это имеет место быть у его оппонентов. На данный момент, на наш взгляд, нет никаких серьёзных оснований сомневаться в правоте В.В. Седова в этом вопросе.

Более сложный характер имеет проблема истоков кривичской культуры длинных курганов. Уже в ранних своих работах В.В. Седов выдвинул гипотезу о приходе её носителей в середине I тыс. н.э. из Центральной Европы [24], но тогда в её пользу не было прямых оснований, она вытекала из того факта, что В.В. Седов не обнаруживал иных её истоков: до формирования культуры длинных курганов её будущие земли были заселены финнами и балтами, древности которых не имеют с ней генетической связи, а каких-либо существенных импульсов с юга В.В. Седов не видел в имеющихся материалах. Все местные культуры, предшествующие или синхронные культуре длинных курганов, в том числе и тушемлинскую, он рассматривал как дославянские [25].

В своих последних работах В.В. Седов привёл новые веские аргументы в пользу своей позиции. Он собрал и обобщил данные о находках вещей провинциально-римских типов, массово появившихся в лесной зоне Восточной Европы в середине I тыс. н.э. (шпоры и удила, железные бритвы, железные пластинчатые кресала, пинцеты, В-образные рифленые пряжки, некоторые типы подвесок, железные втульчатые наконечники копий, новые типы серпов, каменные жернова для ручных мельниц и т.д.). Учитывая стремительность и массовость их распространения, а также то, что в этот период

собственно провинциально-римские культуры (пшеворская и черняховская) уже прекратили своё существование, невозможно говорить о распространении в середине I тыс. н.э. в лесной зоне Восточной Европы провинциально-римских артефактов вследствие торговых или культурных связей. Оно, безусловно, отражает мощную миграцию населения из центрально-европейского пшеворского ареала [26], которое только и могло быть создателем культуры длинных курганов.

Причины, побудившие большие массы средневропейского населения к миграции, состоят в гуннском нашествии и резком похолодании, вызвавшем подъём уровня рек и озёр, увеличение болот, что вело к затоплению плодородных почв. Вследствие этого Среднее Повисленье опустело и есть основания полагать, что значительная часть его обитателей отправилась на северо-восток, в лесную зону Восточной Европы [27]. В.В. Седов сделал в этой связи одно весьма тонкое наблюдение относительно топографии поселений культуры псковских длинных курганов: «создаётся впечатление, что переселенцы на прежних местах пострадали от наводнений и переувлажнённости почвы и поэтому на Северо-Западе выбирали для своего местопребывания участки, не подверженные подобным процессам, – песчаные возвышенности в сухих боровых лесах, при сухопутных дорогах, очевидно бывших в то время основными путями миграционных передвижений» [28].

При этом на основе новых материалов В.В. Седов пересмотрел свой взгляд на тушемлинскую культуру, будущая территория которой также оказалась затронута миграцией пшеворского населения, которая и дала импульс к её возникновению. Таким образом, ядро создателей тушемлинской культуры было родственным носителям культуры псковских длинных курганов, а её создание стало первым этапом славянизации балтов Смоленского Поднепровья и Полоцкого Подвинья, влившихся в состав тушемлинского населения [29], которое впоследствии, при расселении на юг носителей культуры псковских длинных курганов, вошло в состав *кривичей*.

В.В. Седов вполне убедительно аргументировал решающую роль мигрантов из Центральной Европы в формировании культуры длинных курганов, а также тушемлинской и сомкнутых височных колец [30]. Правоту выводов В.В. Седова подтверждают данные других наук: лингвистики, топонимики, антропологии и генетики.

А.А. Зализняк показал родственность древненовгородского диалекта западнославянским (в первую очередь – лехитским) языкам, а также особую черту, выделяющую его на фоне всех славянских языков средневековья – отсутствие в нём второй палатализации [31], а поскольку датируется она временем до или около середины I тыс. н.э. (не позже VI–VII вв.) [32], то носители соответствующего диалекта должны были оторваться от остальных славян не позднее этого времени, что идеально согласуется с археологическими данными, которые, по мнению В.В. Седова, датируют приход славянских мигрантов на север будущей Руси из Средней Европы именно серединой I тыс. н.э. При этом «западные» черты древненовгородского диалекта имеют наибольшее соответствие в псковских говорах, что указывает на их кривичскую природу [33]. Это прекрасно стыкуется с тем, что в последнее время выяснилось, что культура псковских длинных курганов охватывала не только Псковщину, но и значительную часть Новгородчины, соответственно, именно *кривичи* были первыми славянскими насельниками региона [34].

Ю. Удольф на основе гидронимических данных выявил в своё время один из путей славянской миграции: из Повисленья через Среднее Понеманье в Новгородско-Псковские земли [35], а Р.А. Агеева выделила в Новгородско-Псковской земле ряд славянских гидронимов, соответствующих, по С. Роспнду, зоне «А» – славянской прародине в Повисленье, где сосредоточены славянские гидронимы наиболее архаичных типов [36]. Причём, выделенные Р.А. Агеевой по гидронимическим материалам регионы наиболее древней славянской колонизации Северной Руси, совпадают с районами скопления ранних длинных курганов (бассейн реки Великой, земли в Южной Приильменьи, район между

Псковским и Чудским озёрами и рекой Лугой). Эти гидронимические данные указывают на очень раннее расселение славян в указанном регионе, происходившее тогда, когда были ещё продуктивны праславянские модели водных названий.

Важное значение имеют наблюдения Д.К. Зеленина о происхождении названия русских в языках их финно-угорских соседей, производном от традиционного экзоэтнонима балтийских славян *венеды*: «Знаменательно, что эсты называли вендами (Wene) не кашубов или поляков, которые по языку ближе к балтийским славянам, а именно русских. Это обстоятельство можно объяснить только тем, что эсты наблюдали, как многие прибалтийские венды уходили из Ливонии на Русь и обратно уже не возвращались. Как видно из Хроники Генриха Латвийского, эсты хорошо знали ливонских вендов, и перенесение их имени на русских не может быть каким-либо странным недоразумением со стороны эстов» [37].

Антропология свидетельствует о близости антропологических характеристик славян, земли которых прилегают к Балтийскому морю [38]. Наконец, собранные Б.А. Мальярчуком данные генетики свидетельствуют о сходстве псковско-новгородского населения с польско-литовским населением Северо-Восточной Польши (Сувалки – при этом важно подчеркнуть, что население Сувалок отличается генетически как от населения остальных частей Польши, так и от остальных групп балтов), что позволило исследователю сделать вывод о западных истоках генофонда северо-западных русских [39].

Совокупность рассмотренных данных свидетельствует о том, что сложение культуры длинных курганов, которая не имеет местных корней и становление которой ознаменовано распространением в соответствующем регионе ряда провинциально-римских артефактов, отражало приход в район Чудского озера и реки Великой, на Новгородчину, а затем и в верховья Западной Двины, Волги и Днепра нового, очевидно, славянского, населения и этим населением были *кривичи*, которые в представлении древнерусских летописцев, безусловно, являлись частью славянской ойкумены. Об этом же говорит и само их имя.

Подводя итоги, можно сказать, что никаких серьёзных оснований сомневаться в славянской этнической принадлежности летописных *кривичей* нет, что, разумеется, не отменяет того, что определённую роль в становлении и развитии этого славянского этнополитического объединения сыграло и автохтонное балтское население региона, постепенно ассимилированное пришедшими в Среднерусские земли славянами-*кривичами* [40].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Последняя по времени и наиболее обстоятельная в научной литературе попытка обосновать балтскую атрибуцию *кривичей* принадлежит Е.А. Шмидту: Шмидт Е.А. Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвинья (в свете археологических данных). Смоленск, 2012.

2. См., напр., материалы, выложенные на сайте Tverzha: <http://tverzha.ru/>

3. Мачинский Д.А. Миграция славян в I тыс. н.э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 39-51; Его же. О времени и обстоятельствах первого появления славян на Северо-Западе Восточной Европы по данным письменных источников // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982; Его же. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси: период зарождения древнерусской народности // Русский Север. Л., 1986; Давидан О.И., Мачинская А.Д., Мачинский Д.А. О роли балтов в формировании культуры Северной Руси VIII–IX вв. (по данным летописей и археологии) // Проблемы этнической истории балтов. Рига, 1985.

4. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. I. М., 1997. Стб. 12; т. II. М., 1998. Стб. 9.

5. Мачинский Д.А. Миграция славян в I тыс. н.э. С. 44.

6. ПСРЛ. Т. I. Стб. 5-6; т. II. Стб. 5.

7. ПСРЛ. Т. I. Стб. 10; т. II. Стб. 8.

8. Мачинский Д.А. Миграция славян в I тыс. н.э. С. 44. В рассказе о славянских языческих обычаях летописец тоже чётко причисляет *кривичей* к славянам, упоминая их в одном смысловом ряду с другими «племенами», о которых он писал в связи с расселением славян с Дуная: «Имеяхуть бо обычаи свои и законы отець своихъ и предания, кождо свой норовъ. Поляне бо своихъ отець обычаи имяху тихъ и кротококъ... а деревляни живяху зверьскимъ образомъ, живуще скотьскы... а радимичи и вятичи и северо одинъ обычай имяху... И аще кто оумряше творяху трызну надъ нимъ и по семъ творяху кладу велику и възложить на кладу мертвеца и съжигаху и по семъ, събравше кости, вложяху въвъ ссудъ малъ и поставляху на столпе на путехъ, иже творять вятичи и ныне. Си же обычаи творяху и кривичи и прочии погании, не ведуще закона Божиа, но творяху сами себе законъ» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 14; т. II. Стб. 10).

9. Некоторые соображения относительно тех реалий, которые могли стоять за этим летописным известием см.: Жих М.И. К проблеме реконструкции самоназвания носителей именьковской культуры // История и культура славянских народов: достижения, уроки, перспективы: материалы международной научно-практической конференции 25-26 ноября 2011 года. Пенза-Белосток-Прага, 2011. С. 27-28.

10. ПСРЛ. Т. I. Стб. 20; т. II. Стб. 14.

11. Седов В.В. Длинные курганы кривичей. М., 1974. С. 36.

12. Трубочёв О.Н. Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян // Вопросы языкознания. 1974. № 6. С. 55.

13. Там же. С. 62. Важно и то, что Константин Багрянородный в середине X в. также относил восточноевропейских *кривичей* именно к славянам: «Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киава (Киева. – М.Ж.) и отправляются в полюдия, что именуется “кружением”, а именно – в Славинии вервианов (древлян. – М.Ж.), другувитов (дреговичей. – М.Ж.), кривичей, севериев (северян. – М.Ж.) и прочих славян, которые являются пактиотами (данниками. – М.Ж.) росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киав. Потом так же, как было рассказано, взяв свои моноксилы (ладьи. – М.Ж.), они оснащают их и отправляются в Романию (Византию. – М.Ж.)» (Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 51).

14. Иванов В.В., Топоров В.Н. О древних славянских этнонимах. Основные проблемы и перспективы // Из истории русской культуры. Т. I. Древняя Русь. М., 2000. С. 426.

15. Шмидт Е.А. Указ. соч. С. 60-63. Периодически выдвигается и предположение о финно-угорской принадлежности культуры длинных курганов, или, как минимум, псковских длинных курганов (см., напр.: Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л., 1978. С. 61-85).

16. Седов В.В. Длинные курганы кривичей.

17. ПСРЛ. Т. I. Стб. 19-20; т. II. Стб. 14.

18. ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 18; 57.

19. Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. М., 1949. С. 230-234; Николаев С.Л. К истории племенного диалекта кривичей // Советское славяноведение. 1990. № 4.

20. Седов В.В. Кривичи // Советская археология. 1960. № 1; Его же. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 91-124; Его же. Длинные курганы кривичей. С. 36-41; Его же. Об этнической принадлежности псковских длинных курганов // Краткие сообщения Института археологии. 1981. Вып. 166; Его же. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982; С. 46-58; Его же. Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 211-217; 229-238; Его же. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М., 1999. С. 117-

128; 140-145; Его же. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 354-364. К этому можно добавить, что женщины культуры длинных курганов носили височные кольца – типично славянские украшения (Седов В.В. Очерки по археологии славян. М., 1994. С. 89-100). Балтские и финские женщины не носили височных колец.

21. Историографию см.: Буров В.А. К проблеме этнической принадлежности культуры длинных курганов // Российская археология. 1996. № 1.

22. Михайлова Е.Р. Культура псковских длинных курганов. Проблемы хронологии и развития материальной культуры. Автореф... дис... канд. ист. наук. СПб., 2009. С. 15.

23. Там же.

24. Седов В.В. Кривичи. С. 54-59; Его же. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. С. 195-108; Его же. Восточные славяне в VI–XIII вв. С. 58.

25. Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. С. 29-45.

26. Седов В.В. Славяне в древности. С. 298-301; Его же. Древнерусская народность. С. 91-117; Его же. Славяне. С. 348-354.

27. Седов В.В. Славяне в древности. С. 296-304; Его же. Древнерусская народность. С. 115-117; Его же. Славяне. С. 348-354.

28. Седов В.В. Древнерусская народность. С. 124.

29. Седов В.В. Древнерусская народность. С. 128-140; Его же. Славяне. С. 372-388. По мнению В.В. Седова, в рамках этого же славянского миграционного потока пришли в Восточную Европу предки *словен* ильменских и славян, заселивших будущую Ростово-Суздальскую землю (Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. С. 218-229, 238-246; Его же. Древнерусская народность. С. 145-165; Его же. Славяне. С. 364-372, 388-397).

30. Иная концепция генезиса культуры длинных курганов, восходящая к идеям П.Н. Третьякова о заселении севера Восточной Европы не центральноевропейскими переселенцами, а расселявшимися на север потомками «зарубинцев», развивается ныне Н.В. Лопатиным и А.Г. Фурасьевым. Эти исследователи считают, что начиная с III в. потомки «зарубинцев», носители киевской культуры, расселялись в северном направлении, что привело к возникновению памятников круга Заозерье-Узмень, на основе которых впоследствии сформируются культуры длинных курганов и тушемлинская (Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. О роли памятников III–V вв. в формировании культур Псковских длинных курганов и Тушемли-Банцеровщины // Петербургский археологический вестник. 1994. № 9; их же. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V вв. М., 2007). Однако сторонниками южного, «киевского», происхождения культур длинных курганов и тушемлинской выводы В.В. Седова об их возникновении в условиях и в результате расселения выходцев из Средней Европы, пока не опровергнуты. Н.В. Лопатин и А.Г. Фурасьев указывают, что часть (но далеко не все и не в таком количестве. – !) вещей среднеевропейских типов была известна в Восточной Европе и ранее середины I тыс. н.э., в частности, на памятниках киевской культуры, как и браслетообразные височные кольца (Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. Северные рубежи раннеславянского мира. С. 11). Но это не может поколебать построений В.В. Седова по существу, так как никоим образом не отменяет факта «взрывного» распространения в лесной зоне Восточной Европы не известных здесь ранее провинциально-римских артефактов в середине I тыс. н.э., отражавшего миграцию среднеевропейского населения. Но для нашей темы главное даже не в этом, а в том, что и в случае «киевского» происхождения культуры длинных курганов она не имела местных балтских корней и явилась результатом притока иноэтничного населения, коим были, очевидно, славяне, ведь принадлежность киевской культуры одной из крупных группировок предков исторических славян ныне практически общепризнанна. Возможно, культура длинных курганов сложилась как результат синтеза культурных традиций среднеевропейских мигрантов, сыгравших в её становлении ключевую роль, и продвинувшихся на север потомков носителей киевской культуры при участии автохтонного населения. Если предположить, что и мигранты из Центральной Европы и

носители древностей круга Заозерье-Узмень были представителями разных группировок славянства, а для такого вывода есть основания, так как, в конечном счете, и те и другие ведут своё начало от культуры подклёшевых погребений, то нет ничего удивительного в том, что они относительно легко ассимилировались друг с другом и ассимилировали местных балтов и финно-угров.

31. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004.

32. Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. М., 2006. С. 342; Lamprecht A. Praslovanština a její chronologické členění // Československé přednášky pro VIII. Mezinárodní sjezd slavistů. 1978. С. 145; Shevelov G.Y. A Prehistory of Slavic. Heidelberg, 1964. P. 302; Stieber Z. Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. Warszawa, 2005. С. 68.

33. Николаев С.Л. Указ. соч. С. 54.

34. Вопрос о происхождении сопочной культуры *словен* ильменских остаётся открытым: в ранних работах В.В. Седов полагал, что возникновение культуры новгородских сопок связано со второй, более поздней миграционной волной из Повисленья (Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. С. 66), однако затем пересмотрел свой взгляд на эти древности и присоединился к И.В. Ислановой, полагающей, что их генезис связан с памятниками типа Юрьевской Горки в Удомельском Поозерье (Исланова И.В. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М., 1997. С. 22-56, 126-129). По мнению В.В. Седова, предки создателей культуры сопок изначально проживали небольшими островками в среде носителей культуры длинных курганов, сохранив при этом, в отличие от последних, традиции пашенного земледелия, бытовавшего на их висленской прародине. В VII в. происходит потепление климата и снижение увлажнённости, что способствовало распространению пашенного земледелия, ставшего основой экономики культуры сопок, о чём говорит топография её поселений. В этой связи в регионе Приильменья жители поселений типа Юрьевской Горки стали основой становления новой культуры и соответствующей ей этнокультурной общности, известной из русских летописей под именем *словен*, ассимилировав живших здесь носителей культуры длинных курганов (Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. С. 238-246; Его же. Древнерусская народность. С. 158-165; Его же. Славяне. С. 364-372).

35. Udolph J. Die Landnahme der Ostslaven im Lichte der Namenforschung // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wien, 1981. Bd. 29. S. 321-336.

36. Агеева Р.А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1974. С. 153-185. Ср.: Rospond S. Prasłowianie w świetle onomastyki // I Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej. T. I. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968. На совпадение между ареалами распространения архаичных славянских гидронимов и длинных курганов обратил внимание В.В. Седов (Седов В.В. Славяне в древности. С. 301).

37. Зеленин Д.К. О происхождении северновеликорусов Великого Новгорода // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. Т. 26. М., 1948. С. 93.

38. Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973. С. 260.

39. Малярчук Б.А. Следы балтийских славян в генофонде русского населения Восточной Европы // The Russian Journal of Genetic Genealogy (Русская версия). 2009. Т. 1. № 1.

40. О вкладе балтского субстрата в культуру славян Верхнего Поднепровья и Подвинья см.: Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. С. 162-190.